

“СКІФСЬКА ЕПОХА: ПІВНІЧНИЙ КАВКАЗ – СТЕПОВЕ ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР’Я”

УДК 904.5(477.65)”638,,

НОВОЕ О МЕЛЬГУНОВСКОМ КУРГАНЕ

Нинель БОКИЙ (Кировоград), Александр МОГИЛОВ (Киев)

Стаття присвячена вивченню Мельгуновського кургану – видатної пам’ятки Скіфії. Аналізуються матеріали досліджень 1990 р. Розглядаються поховальний обряд та інвентар комплексу.

Ключові слова: скіфи, курган, поховання, кенотаф, рів, тризна.

Статья посвящена изучению Мельгуновского кургана – выдающегося памятника Скифии. Анализируются материалы раскопок 1990 г. Рассматриваются погребальный обряд и инвентарь комплекса.

Ключевые слова: скифы, курган, погребение, кенотаф, ров, тризна.

The article examines Melgunovsky barrow – an outstanding monument of Scythia. Excavation materials of 1990 are analyzed. Funeral ceremony and tomb materials of the complex are considered.

Keywords: Scythians, barrow, burial, cenotaph, moat, funeral feast.

Мельгуновский курган занимает особенное место в кругу древности в Украине. Это первый археологический комплекс, раскопанный на нашей территории. Его исследование в 1763 г. знаменует начало скифской полевой археологии. Следуя во времени за раскопками в Геркулануме и Помпеях в 1-й половине – середине XVIII в., этот комплекс входит в число наиболее рано исследованных во всей Европе.

Памятник находится в сфере внимания ученых уже два с половиной века. Трижды он подвергался раскопкам, множество раз осматривался археологами. Менялось и его имя. В 1763 г. во время раскопок А.П. Мельгунова он назывался Литым курганом. По имени своего первого исследователя он получил наименование Мельгуновского. Во время работ В.Н. Ястребова в 1892 г. среди местного населения он был известен как Червонная Могила. А в послевоенное время – уже как Раскопанная Могила.

Несмотря на столь длительное изучение, перед учеными продолжали стоять целый ряд вопросов, связанных с этим памятником. Многие еще оставались не понятным. С целью разрешения широкого спектра проблем, в 1990 г. доцентом Кировоградского педагогического института Н.М. Бокий были предприняты раскопки на месте, где располагался Мельгуновский курган. Полученные результаты позволили во многом по-новому взглянуть на многие вопросы, связанные с памятником. В этой работе, уделив конечно внимание и более ранним раскопкам, хотелось бы более подробно остановиться именно на материалах этих исследований 1990 г.¹.

¹ Искренне благодарны И.А. Козырь и К.И. Панченко за помощь в работе с материалами

Сегодня место, где когда-то возвышался Литой курган, мы можем найти у дороги между селами Копани и Топило Знаменского района Кировоградской области (Рис. 1). Он располагался в Днепровском Правобережье на самом севере степной зоны, на ее границей с лесостепью. Впервые памятник раскапывается в **1763 году**, по поручению известного государственного деятеля тех времен, генерал-поручика *Алексея Петровича Мельгунова* (Рис. 2). 3 сентября 1763 г. он дает указание [1, с. 130], и под надзором генерал-майора Исакова местные крестьяне приступают к работе. Памятник находился на расстоянии 7 верст от Черного леса, в 30 верстах от крепости Святой Елизаветы, в 100 верстах от правого берега Днепра, между верховьями рек Ингула и Ингульца в урочище Кучеровы Буераки [2, с. 270 – 272].

Под верхним черноземным слоем была обнаружена каменная песчанниковая статуя без головы. К западу от нее, на глубине 6 футов или более, был найден знаменитый набор вещей раннескифского времени. По словам Г.Ф. Миллера, они лежали в каменном ящике [7, с. 503 – 508]. Сегодня, на основании данных работ ученых, мы можем со значительной долей достоверности восстановить состав этого комплекса:

1. Железный меч с рукоятью, покрытой золотой пластиной с орнаментом (Рис. 3, 6; 5, 1).
2. Декорированные золотые обкладки ножен с лопастью для подвешивания (Рис. 3, 6; 5, 2; 6, 3).
3. Золотое массивное кольцо.
4. Железное кольцо.
5. Золотая диадема (Рис. 4, 2; 6, 4).
- 6–8. Серебряные детали переднеазиатского табурета, в их числе:
  6. Четыре серебряные наконечника ножек, орнаментированные позолоченными пояском и розеткой (Рис. 3, 55 – 58).
  7. Четыре серебряных цилиндрических обкладки (Рис. 3, 7 – 10).
  8. Цилиндрические втулки с боковыми отверстиями (один целый, и части других; Рис. 3, 52 – 54).
9. Двадцать три гвоздика с головкой, обтянутой золотом, и изображением розетки на ней. Вероятно, они тоже являлись частями парадного табурета (Рис. 3, 1).
10. Семнадцать золотых блях с изображениями хищной птицы с распростертыми крыльями. На обороте припаяны петли. У 16 блях – по 4 ушка, находящихся у горла, основания хвоста и по середине крыльев. У одной бляхи – лишь 2 петли: у горла и хвоста (Рис. 4, 3 – 19; 6, 1, 2).
11. Сорок бронзовых втульчатых наконечников стрел. Девять наконечников – двухлопастные листовидные с шипом (Рис. 3, 11 – 19). Остальные – трехлопастные: 25 листовидных, многие – с шипом (Рис. 3, 26–50); 4 – с треугольной утяжеленной головкой (Рис. 3, 20 – 22, 25), 2 – с

треугольной утяжеленной головкой и опущенными концами лопастей, создающими “жальца” (Рис. 3, 23, 24).

12. Бронзовая колчанная застежка, покрытая золотым листом. Центр рубчатый с гладким перехватом в центре. Концы украшены львиными головками (Рис. 3, 3).

13–14. Золотые прямоугольные пластины с рядами точек (Рис. 4, 20, 21).

15. Золотая пластина с изображением животных (Рис. 4,1; 5,3).

16. Серебряная круглая бляха, украшенная кружочками (Рис. 3,5).

17. Фрагменты несколько большей круглой серебряной бляхи, а также другие серебряные фрагменты, некоторые из которых, видимо, принадлежат вышеупомянутой бляхе (Рис. 3, 2).

Кроме этого упоминаются находки различных золотых, серебряных и железных обломков².

Ниже в насыпи шли мощные пережженные слои с перегорелыми землей, глиной, шлаками, камнями, костями. Далее, пройдя уровень древнего горизонта и даже углубившись в материковую глину, найти ничего так и не удалось. Крестьяне, которым было выдано за работу 70 рублей, были распущены [3, с. 601, 602], а вещи, найденные в кургане, отвозятся в Петербург и передаются в Академию наук, где помещаются в Минц-кабинет Кунсткамеры. В 1859 и 1894 гг находки передаются в Эрмитаж [4, с. 2, 3; 5; 6, с. 135, 140, 143]. В Кунсткамере находки по поручению Г.Ф. Миллера, действовавшего по повелению императрицы Екатерины II, зарисовываются, а потом и описываются им. Примечательно, что Г.Ф. Миллер считал находки принадлежавшими древним уграм [7, с. 503 – 508]. Несколько позже мельгуновские находки упоминаются в описании Кунсткамеры И. Бакмейстера [1, с. 130].

После этого более века они остаются в забвении в хранилищах, пока, наконец, в самом начале XX в. к ним не возвращается А.А. Спицын [2, с. 270 – 272]. Преведя тексты отчета А.П. Мельгунова и описания Г.Ф. Миллера, ученый рассмотрел инвентарь кургана, чем вызвал новую волну интереса к находкам из Литого кургана. Вскоре выходит работа Е.М. Придика “Мельгуновский клад”. Ученому, проделавшему огромную работу по восстановлению и атрибуции инвентарного комплекса, удалось в целом правильно уловить разнокультурный скифский и передневожосточный характер вещей. Достаточно точной, учитывая уровень хронологических разработок того времени, была и его дата находок – первая половина VI в. до н. э. [4].

² Е.М. Придик, датировал эти вещи 1-й половиной VI в. до н. э. [4, с. 21]. В дальнейшем, в соответствии с существующими тенденциями в скифологии, дата понемногу удревнялась, сначала до рубежа VII – VI вв. до н. э., а потом и до середины – 2-й половины VII в. до н. э. [8, с. 2; 9, с. 112; 10, с. 22], при этом некоторые драгоценные вещи из комплекса могут быть еще более раннего времени: VIII – 1-й половины VII вв. до н. э. [11, 1997, р. 109; 12, с. 29, 30, 50 – 52, 59, 61 – 63].

К сожалению, судьба многих вещей из Мельгуновского кургана оказалась печальной. В 1932 г. часть вещей из памятника по решению Паритетной комиссии была передана в Харьковский исторический музей. В Эрмитаже, для снятия гальванопластических копий, остались лишь 17 изделий: золотые диадема, ножны и рукоять меча, бляха-орел, часть пластины со зверями; от табурета – серебряные наконечник ножки и 2 цилиндра (один прорезной), 2 серебряных гвоздя; 7 бронзовых наконечников стрел. В Харькове находки сильно пострадали во время войны. Эвакуированы были лишь драгоценные изделия. По дороге в Уфу состав с ними был разбомблен, в дальнейшем они часто находились в условиях не приспособленных для хранения. Наконец в 1944 ящики с вещами возвращают в Киев а потом и Харьков [13, с. 20 – 22]. Долго мельгуновские вещи из Харькова считались утерянными [14, с. 6; 15, с. 237; 16, с. 333; 6, с. 143]. Однако, недавно выяснилось, что после войны уцелели 3 наконечника ножек (2 из них были похищены из музея в 1957 г.) и 3 полых цилиндра от трона. Таким образом, уцелевшие находки из раскопок 1763 г Литого кургана сегодня хранятся частично в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, частично – в Харьковском историческом музее [13, с. 20 – 27].

Крайне фрагментарные данные о раскопках кургана в 1763 г. диктовали необходимость его повторных раскопок. Они были осуществлены в 1892 г. преподавателем Елисаветградского училища *Владимиром Николаевичем Ястребовым* (Рис. 7), работавшим по поручению Императорской археологической комиссии.

Мельгуновский курган был обнаружен в 3-х верстах к северу от железнодорожной станции Треповка и в полутора верстах к юго-западу от деревни Кучеровка Александрійського уезду. К тому времени, из-за мощных пережженных красноватых слоев, составлявших его насыпь, он носил название “Червоной Могилы” и представлял собой возвышенность неправильной формы, состоявшую из бугров и ям. Высота его была 1,5 сажени (3,2 м), а длина основания – около 100 сажени (213 м). В.Н. Ястребов поначалу заложил траншею с севера на юг, а затем раскопал и боковые останцы. Насыпь состояла из пережженной красноватой рассыпчатой земли. Повсюду попадалось множество шлаков, зола, сажа, угли. Причем по мере приближения к уровню почвы, их становилось все больше. Под западной полкой в грунте открыта “канавка”, ориентированная с севера на юг и имевшая 6,4 м (3 сажени) длины, 3,2 м (1,5 сажени) ширины, 0,7 м (1 аршин) глубины. Заполнение ее составляли пережженные слои, находок не встречено. Под восточной полкой обнаружена ограбленная могила, представлявшая собой катакомбу. Входная яма, диаметром и глубиной 2,13 м (1 сажень), в восточном боку имела вход в катакомбу с покатым полом и сводчатым потолком. Она состояла из двух

последовательных круглых камер около 3,2 м (1,5 сажени) в диаметре и 1,4 м (2 аршина) в высоту. Могила была пустой. С юго-восточной стороны от полы кургана к ней шел наклонный грабительский ход [17, с. 134; 18, с. 36, 37; 2, с. 273, 274].

В 1949 г. курган, называвшийся уже Раскопаной Могилой, осматривает А.И. Тереножкин. Высота его отвалов еще достигала 2,6 м, а место раскопок опоясывал кольцевой вал с тремя узкими перерывами диаметром около 70 м, толщиной в основании 9 – 10 м и высотой 1,5 м. Площадка внутри вала была покрыта мелкими бугорками и заплывшими впадинами [19, с. 113]. В 60-х гг. Эти возвышения были спланированы в результате сельскохозяйственных работ.

Между тем, специалистам все более ясной становилась необходимость нового полного исследования подкурганной поверхности Литой Могилы с применением новой методики. Эта работа была осуществлена известной исследовательницей древностей Кировоградщины *Нинелью Михайловной Бокий*. Она внимательно изучила историю раскопок памятника [20, с. 3 – 5], работала в ЦГАДА СССР, изучив отчет А.П. Мельгунова (сохранились рукописные выписки оттуда), побывала в Ярославле – месте где А.П. Мельгунов провел заключительную часть своей жизни, нашла место расположения кургана.

В 1990 г. раскопки памятника были осуществлены экспедицией Кировоградского государственного педагогического института имени А.С. Пушкина [21, с. 13,14]. Первоочередными были задачи исследования всего подкурганного пространства, выявления (в случае наличия такового) рва, поиска и обмеров катакомбы, раскопанной В.Н. Ястребовым.

Расположение памятника удалось локализовать у дороги между селами Топило и Копани Знаменского района Кировоградской области, в 550 м на север от Копаней. Работы проводились 5 июля – 11 августа³. В ходе опроса местных старожилов обнаружилось, что в народной памяти сохранились древние названия памятника Литой курган и Червона Могила, старожилы помнили, что его копали 2 раза и что за раскопки рабочим выдали по 70 рублей. Действительно, во время работ А.П. Мельгунова рабочим (правда, на всех) выдали 70 рублей. И народная память сохранила это, несмотря на прошедшие более 220 лет.

Коллеги-археологи проявляли большой интерес к раскопкам легендарного памятника, не редко приезжая посмотреть на работы (Рис. 8; 9).

На момент исследований насыпь уже отсутствовала. Место кургана выделялось лишь выходом красных пережженных слоев. Раскопки

³ Экспедиция базировалась в с. Топило.

проводились траншеями с оставлением бровок⁴. Пятно из перегоревших фракций имело значительные размеры: 100 м. с запада – на восток, и 70 м с севера – на юг. Оно было условно принято за место кургана, через его центр была проложены траншеи 1 и 2, между которыми оставлена бровка 1. Далее к северу шли траншеи 3–5 и бровки 3–5. Впоследствии, однако, оказалось, что с центром кургана ошиблись, а раскоп “сел.” на его северную половину. Вследствии этого, работы продолжены на юг от бровки 1, где были заложены траншеи 6 – 19, с бровками 6 – 19 между ними (Рис. 10).

Подкурганная поверхность заметно потревожена поздними перекопами. Под слоем чернозема и частью в нем на подкурганной поверхности и к северу от нее фиксировались красные пережженные слои с включением шлаков и прожженной глины, мощностью иногда до 0,5 – 0,7 м. Особенно сильными они были в южной части.

Раскопками выявлен околкурганый ров, выделявшийся на материковом суглинке черным цветом (Рис. 10)⁵. Во многих местах его перекрывали пережженные слои, в северо-восточной части его верхняя часть разрушена поздним прокопом. Внешний диаметр рва от 61,5 м (с севера, на юг), до 60 м (с запада, на восток). Внутренний диаметр от 56,2 м (север – юг), до 53,9 м (запад – восток). Заполнение – слежавшееся, в верхней части – чернозем, в нижней – суглинковое. В целом, выкопан он довольно пропорциональным, однако в западной части – несколько более объемный, тогда как на востоке мелеет и сужается. Фиксируемая ширина рва: до 3,4 м – на западе, до 3,3 м – на севере, 3,1 – 3,8 м – на юге⁶. В восточной части он имеет от 1,8 м в месте сужения, до 3 м в юго-восточной части. Наибольшая глубина (до 3–3,2 м) на западе. Далее на север и юг – юго восток он мелеет до 2,6 – 2,7 м, а на востоке его глубина всего 1,7 – 1,95 м. Стенки медленно сужаются ко дну, которое в разных местах либо уплощенное, либо округлое (Рис. 13).

В западной части зафиксирована *перемычка*, шириной 2,2 м. По обе стороны от нее выявлены следы *тризны* и *жертвоприношений* в виде костей человека, собаки, черепов коня (Рис. 14, 1, 2). Черепа коней и скелет собаки лежали мордами от перемычки.

Севернее перемычки, где ров был массивнее, чем с юга, указанные кости залежали в придонной части на глубине 2,45 – 3,17 м. На расстоянии 0,5 м к северу от перемычки находился череп коня (№2). С восточной стороны от него лежали малая берцовая кость, коленная чашечка и лопатка человека. С западной стороны конского черепа находились большая и

⁴ Раскопки производились с помощью бульдозера ДТ – 75 Знаменского отделения “Сельхозхимии”, бульдозерист – П.А. Каганков.

⁵ Ров раскопан полностью за исключением юго-восточной части.

⁶ Ширина рва фиксируется на фоне материка, на уровне древнего чернозема она, видимо, могла превышать 4 м.

малая берцовые кости. К югу от черепа коня №2 расчищен скелет собаки, обращенный головой к северу, с поджатыми лапами. К западу от морды собаки – еще одна человеческая лопатка, а еще далее – гранитный камень (длина – 35 см, ширина – до 20 см, высота – 10 – 13 см), частично лежавший на перевернутом черепе коня (№1). Еще один гранитный камень близких размеров находился в 10,7 м к северу от перемычки на глубине 2,5 м. Кроме этого, недалеко от костей, на расстоянии 7,5 м от перемычки, на глубине 1,5 м найдена обломанная ножка и часть стенки амфоры. Судя по разному тесту, они относились к разным сосудам.

К югу от перемычки находки тоже концентрировались в нижней части рва на глубине 1,65 – 2,97 м. У самой южной стенки перемычки найден человеческий череп без нижней челюсти, лежавший лицом вниз. Здесь же были обломки берцовых костей, а южнее – две тазовые кости и крестец, а под западной стенкой – ключичная кость. Еще южнее располагался череп (№3) и нижнижние челюсти коня, рядом с которыми расчищен обломок бедренной кости. Южнее, ближе к западной стенке, находились целая и фрагментированная нижние челюсти и зубы коня, берцовая кость и ребра человека. Здесь же найден обломок лепного сосуда, украшенный валиками в 3-х плоскостях, видимо относившийся к эпохе бронзы и попавший сюда случайно. К востоку от этого черепка расчищены конские зубы и обломки челюстей. Среди других находок во рву, следует назвать гранитные камни в южной части; обломок стенки амфоры в северном секторе на глубине 2 м; гранитный терочник и часть грузила (?) из песчаника, на глубине 0,6 м и в 9,2 м к югу от перемычки.

В центре подкурганной поверхности находилась большая квадратная яма (Рис. 10) размерами до 22 м с севера, на юг, и до 24 м с запада на восток, при глубине 1,25 м – возможно следы раскопок А.П. Мельгунова. Ее перерезала длинная траншея, ориентированная, с некоторым отклонением, с севера на юг, длиной 28,5, шириной 2,35 и глубиной 1,6 м. Что же она собой представляла? Остатки траншеи В.Н. Ястребова? Известно, что та тоже была проложена с севера на юг, но она прорезала всю насыпь и должна была бы быть более массивной. Возможно В.Н. Ястребов, углубившись до уровня околокурганного горизонта, заложил меньшую, “контрольную”, траншею?

В юго-западном секторе подкурганной поверхности фиксируется яма глубиной – до 2,7 м, видимо, являющаяся следами раскопок В.Н. Ястребовым катакомбы.

Итак, раскопками Н.М. Бокий 1990 г. было установлено наличие рва в Мельгуновском кургане. Он имел до 61,5 м в диаметре. В западной его части зафиксирована перемычка, по обе стороны от которой расчищены остатки тризны и жертв в виде костей людей, скелета собаки, голов коней, частей амфор. В центре выявлена массивная яма, возможно от

мельгуновских раскопок 1763 г. и траншея, предположительно от исследований В.Н. Ястребова. Кроме этого, в юго-западном секторе зафиксирована яма, вероятно, от раскопок катакомбы В.Н. Ястребовым.

Новые интересные данные о Мельгуновском кургане были получены летом 2013 г. Обгорелые фракции из кургана раскопок Н.М. Бокий, а также взятые в июне 2013 г. на месте кургана, были изучены в лаборатории Института археологии НАН Украины С.В. Паньковым и Т.Ю. Гошко⁷. Оказалось, что это остатки железоплавильного производства: куски шлачного конгломерата, заполнявшие яму горна, где происходило восстановление железа (местами на нем сохранились отпечатки древесного угля); обмазка горновой ямы с приставшими к нему шлаками; куски железной руды, иногда – со следами обжига. Много было и обычного пережженного грунта и глины. Все это достаточно ясно свидетельствует о том, что в древности в курган была впущена *железоплавильная мастерская*, где в горнах происходило восстановление железа из руды. Установить, когда это было сделано не просто: перед нами значительный отрезок времени от постскифского времени (в IV в. до н. э. здесь еще осуществили погребение, выкопали ров, приносили жертвы, поминали усопшего), до начала нового времени, когда насыпь была раскопана А.П. Мельгуновым.

В свете этой информации, становится понятным древнейшее из известных названий кургана – “Литой”. Сложно сказать, или в народной памяти сохранились какие-то далекие отголоски событий, или люди сами подмечали ошлакованные остатки в кургане и возле него. Важно, что местное население верно именовало Литой курган по остаткам существовавшей здесь когда-то мастерской. Здесь не лишним будет и упомянуть, что А.П. Мельгунов в своем отчете говорил, что в нижнем пережженном слое насыпи были “уголье, как бы печью накладеное, кучею, множественное число глыб крупных и мелких слитков разных мер и фигур, такие, как бывает выгар в горну, где железо делается” [2, с. 271]. Вспомним и о том, что рабочие В.Н. Ястребова были уверены в том, что здесь была литейная мастерская [17, с. 135]. К сожалению, в дальнейшем ученые не уделили этим словам должного внимания.

Можно упомянуть и о традиции врезания железоплавильных мастерских в склоны холмов в раннем железном веке [22, с. 35, 72]. Видимо курганы, расположенные, как правило, на возвышенных местах, были удобны древним мастерам, поскольку обеспечивали дополнительный естественный продув воздуха [23, с. 72], а останцы насыпи могли служить импровизированными стенами этого сооружения. Кроме этого, Б.А. Шрамко отмечал, что весьма удобным могло быть устройство ямного

⁷ Выражаем искреннюю благодарность С.В. Панькову и Т.Ю. Гошко за помощь при атрибуции остатков железоплавильного производства.

горна на склоне, что обеспечивало лучший доступ к нижней части, для подведения глиняных сопел, а также облегчало извлечение криц [24, с. 72].

Таким образом, можна сделать вывод, что *пережженные слои Мельгуновского кургана представляют собой следы поздней железоплавильной мастерской, а не сожженной деревянной гробницы*, как раньше считали многие ученые [см. напр. 25, с. 19; 26, с. 104; 27, с. 19, 51; 28, с. 34].

Скифские находки из раскопок 1990 г., как видим, весьма скромны. Части амфор из рва Мельгуновского кургана сильно фрагментированы (Рис. 15). Ножка (Рис. 15, 1) и одна из стенок (Рис. 15, 2) близки по структуре теста, они выполнены из красной, коричневатого оттенка, глины с вкраплениями песка и “блесток”. Вторая стенка розоватого цвета с примесью мелкого песка (Рис. 15, 3). У ножки обломан конец, что несколько затрудняет точную атрибуцию, но профилем она похожа на амфоры IV вв. до н. э.⁸ По мнению С.В. Полина, фрагмент может принадлежать амфоре Менды на рюмкообразной ножке, мелитопольского варианта (по С.Ю. Монахову), относящемуся ко 2-й – 3-й (началу 4-й) четвертям IV вв. до н. э. [29, с. 92, 93].

Начиная характеристику погребальных сооружений, отметим, что *катакомба*, открытая В.Н. Ястребовым под восточной частью насыпи, имеет достаточно специфическую форму из двух последовательных камер. Хотя многие ее черты довольно обычны для подобных сооружений: входная яма с лазом в катакомбу в одной из стен, понижающееся в могилу дно [30, с. 120 – 123; 31, с. 27 – 40]. По мнению В.С. Ольховского, для VI – V вв. до н. э. характерны лишь простейшие катакомбы I типа. Остальные разновидности катакомб появляются в IV в. до н. э., в это время они – господствующие погребальные сооружения в Степной Скифии [31, с. 27 – 35, табл. II]. Видимо, к IV в. до н. э. стоит отнести и данную могилу. К сожалению, в виду ее полной разграбленности, подтвердить это на инвентаре уже не представляется возможным. Амфорой IV в. до н. э. датируется и *ров*. Это частый конструктивный элемент скифских курганов IV в. до н. э., встречаемый в каждом пятом из них. 23% ровов имели одну перемышку, шириной 1 – 2,5 м; причем, большая часть – как раз на западе. Как и в нашем случае, глубина ровов в курганах наиболее значительна именно у перемышки [31, с. 129]. Тризна и жертвоприношения, сосредоточенные к северу и югу от перемышки на разных глубинах, указывают, что эти заупокойные действия совершались не за один раз. [31, с. 130]. В IV в. до н. э. помещение тризны встречено в 39,3% ровиков скифских курганов и в 27,3% курганов эпохи бронзы с впускными скифскими погребениями. Скопления у западных перемычек особенно

⁸ Выражаем искреннюю благодарность А.В. Буйских, С.Ю. Монахову, С.В. Полину за любезные консультации при атрибуции амфорного материала.

велики [31, с. 130, 176]. Из таких сосредоточений в больших курганах, имеющих размеры рва близкие к мельгуновскому (с разницей диаметра около 10 м) можно назвать Водяну и Соболеву Могилы [32, с. 18 – 25; 10, с. 78, 150], Плоскую Могилу [33, с. 98].

По сводке В.С. Ольховского, черепа лошадей встречены в 19 степных курганах IV в. до н. э. Ибычно их было от 1, до 11, и лишь во рву Толстой Могилы их найдено до 50, однако здесь встречены и конские кости [31, с. 130; 32, с. 18 – 21]. Собака, найденная у западной переемычки, видимо, выполняла роль стража. Обычай хоронить собаку с хозяином у скифов хоть и существовал в V – III в. до н. э., но широко не практиковался [31, с. 160]. Именно у западной переемычки был положен скелет пса в кургане 13 у Нового [34, с. 143]. В кургане у Косоуц собака лежала в западном углу могилы [35, с. 125]. Встречаются такие захоронения и у савроматов [36, с. 102]. В целом же можно заметить, что тризна и жертвы из кургана являются достаточно скромными по сравнению с размерами рва.

Таким образом, катакомба и ров Мельгуновского кургана, очевидно, являются связанными друг с другом погребальными конструкциями IV вв. до н. э. Однако, учитывая, что сожженные слои в насыпи представляют собой следы железоплавильной мастерской, а не сожженной раннескифской деревянной гробницы, как же следует интерпретировать комплекс вещей келермесского времени из насыпи? Учитывая, что остатки покойника здесь в описаниях не упоминаются, видимо следует поддержать версию об их интерпретации как *кенотафа, сооруженного в честь погибшего в походе (возможно, что переднеазиатском) скифского вождя* [21, с. 13, 14]. Упомянутые вещи были впущены в насыпь более раннего кургана (скорее всего – эпохи бронзы), как и множество погребений раннескифского времени в Степях Северного Причерноморья [27, с. 49].

Не можно обойти стороной вопрос о *каменной статуе* обнаруженной в 1763 г. в насыпи Литого кургана. А.П. Мельгунова упоминает о найденной в верхней части насыпи кургана фигуре из песчаного камня, без головы, на подобие женской. Г.Ф. Миллер добавил, что “по грудям признавали, что сия статуя представляла женщину” [7, с. 502]. Никаких сведений о дальнейшей ее судьбе не было. При изучении статуй Кировоградского музея внимания привлекла одна скифская стела. Место находки ее не известно, но происходит она из дореволюционных поступлений. Голова у нее отсутствует (Рис. 16). Исходя из этого, было высказано предположение о возможности ее принадлежности к Мельгуновскому кургану [37, с. 48 – 50]. Действительно ли кировоградская стела могла стоять на Литой Могиле?

Выяснить это сегодня уже весьма непросто. Изваяние изготовлено из гранита с розоватым оттенком. Почти вся голова отбита. На шее – гривны. Волосы сзади сплетены в косу. Левая рука держит ритон перед грудью,

ладонь правой – у рокояты меча на правом боку. Воин подпоясан. С левой стороны к поясу привязан горит с луком, украшенный круглым предметом, известным по находкам в некоторых погребениях, где он тоже украшал налучье [38, с. 166, рис. 2; 39, с. 425, рис. 3; 5]. Известны и другие изваяния с таким украшением. Изображение этого элемента на кировоградской стеле – одно из самых ранних [40, с. 73, табл. 17]. Спереди к поясу крепятся нагайка и меч. Акинак вложен в ножны с округлым концом и боковой лопастью для подвешивания. У правого бока висит еще один, более длинный, меч, находящийся в ножнах с лопастью для подвешивания, на которых просматривается круглый выступ – возможно деталь крепления, по назначению близкая келермесской [14, с. 6 – 8; 41, с. 259, 261].

Изваяние было датировано предпочтительнее 2-й половиной VI – началом V вв. до н. э. [40, с. 27], что позже, чем знаменитый набор вещей келермесского времени из кургана, но раньше катакомбы IV вв. до н. э., раскопанной В.Н. Ястребовым. Другими аргументами, противоречащими версии о принадлежности кировоградской стелы Мельгуновскому комплексу, является материал ее изготовления. Изваяние из Кировограда гранитное, тогда как в отчете вполне определенно говорится, что она из *песчаникового камня*. Известно, что в скифское время, гранитные изваяния являются обычными для Северного Причерноморья. Они часто встречаются в VII – начале V вв. до н. э., но со временем на смену им приходят изделия из известняка. В то же время, песчаниковые стелы распространены преимущественно на Северном Кавказе в раннескифское время [40, с. 46, 47, табл. 5]. Еще одним опровергающим аргументом служит упомянутая принадлежность статуи (определяемая по груди) к женскому полу. На кировоградской стеле этих признаков нет.

Актуальным является вопрос о размерах Мельгуновского кургана. В литературе иногда сообщается о его высоте в 10 м [21, с. 13] и 10,5 м [10, с. 209]. Эти данные восходят, видимо, к сообщениям 1763 – 1764 гг. Так, в отчете А.П. Мельгунова говорится о наличии в верховьях Ингула и Ингульца многих курганов, высотой от 2 до 5 сажен (до 10,66 м). Однако, о самих размерах собственно Литого кургана здесь *не сказано ни слова*. Г.Ф. Миллер отмечал, что по видимому А.П. Мельгунов выбрал “знатнейший” из тех курганов [7, с. 501]. В начале XX в. А.А. Спицын написал о его размерах в 2 – 5 саженей [2, с. 271, 272]. Однако, в действительности, на высоту и диаметр насыпи прямых указаний нет. Степные скифские курганы IV в. до н. э. с близким диаметром рва имеют высоту в среднем 6 – 6,4 м, и диаметр насыпи около 60 м. Разумеется, эти данные нельзя принимать безусловно, поскольку в нашем случае погребение IV в. до н. э. впущено в более раннюю насыпь, которая дополнительно обведена, рвом. В то же время, в упомянутых курганах

элиты насыпь сооружена специально над могилой, что требовало значительно больших трудозатрат.

Таким образом, скифские комплексы Мельгуновского кургана были впущены в более раннюю насыпь. В виду отсутствия сведений о первоначальном погребении, связанного с этой первичной насыпью, датировать ее сложно. Наиболее вероятно, что это был курган эпохи бронзы. В келермесское время в его вершину впускается кенотаф с набором знаменитых вещей. А в IV вв. до н. э. в восточную часть насыпи – еще и катакомба, которая неоднократно подвергается ограблениям, впервые – вскоре после похорон. Курган обводится рвом с перемычкой на западе, где совершается тризна и приносятся жертвы. В постскифское время здесь сооружается железоплавильная мастерская.

Хотелось бы подчеркнуть необходимость восстановления и музеефикации Мельгуновского кургана – памятника, с которого начались раскопки в Украине, и который, благодаря своим выдающимся находкам, заслужено вошел в золотой фонд археологии. Первые шаги на этом пути уже сделаны. На месте памятника открыт памятный знак, существует идея восстановления насыпи. Есть надежда, что благодаря вниманию и стараниям ученых, администрации, общественности этот выдающийся комплекс будет восстановлен и сохранен для будущих поколений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бакмейстер И. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотечарем Академии наук, а на российский язык переведённый Васильем Костыговым. – СПб.: типография Морского шляхетского кадетского корпуса, 1779. – 191 с.
2. Спицин А.А. Мельгуновский курган // ЗРАО. – 1901. – Т. XII. – Вып. I – II. – С. 270 – 277.
3. Муравьев М. Материалы для местной истории // ЗООИД. – 1867. – Т. VI. – С. 601 – 605.
4. Придик Е. Мельгуновский клад 1763 года // МАР. – 1911. – №31. – 24 с.
5. Тункина И.В. Первый исследователь скифских курганов. К биографии А.П. Мельгунова (1722 – 1788) // Очерки истории отечественной археологии. – Москва, 1998. – С. 12 – 26.
6. Тункина И.В. Сокровища Литого кургана и академик Г.Ф. Миллер // ВДИ. – 2006. – №3. – С. 135 – 155.
7. Миллер Г.Ф. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия об учёных делах. – 1764. – Декабрь. – С. 480 – 515.
8. Черненко Е.В. У истоков отечественной археологии // Первая Правобережная краеведческая конференция (225 лет со времени исследования Мельгуновского кургана 1763 – 1988 гг.). Тезисы докладов. – Кировоград, 1988. – С. 1 – 3.

9. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. – СПб., 2003. – 416 с.
10. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна, и Соболева Могилы). – Киев: Стилос, 2005. – 600 с.
11. Metdepenninghen C. La relation entre l'art urarten au temps du roi Rusa II et les erees-akinakes de Kelermes et de Melgunov // *Iranica Antiqua*. – 1997. – V. XXXII. – P. 109. – 136.
12. Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 192с.
13. Бабенко Л. И. К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана // РА. – 2013. – №3. – С. 20 – 27.
14. Галанина Л.К. Еще раз о парадных акинаках из Мельгуновского и Келермесского курганов // Первая Правобережная краеведческая конференция (225 лет со времени исследования Мельгуновского кургана 1763 – 1988 гг.). Тезисы докладов. – Кировоград, 1988. – С. 6 – 8.
15. Смирнова Г.И. Отдел археологии // Эрмитаж. История и современность. – Ленинград: Искусство, 1990. – С. 235 – 251.
16. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX века). – Санкт-Петербург: Наука, 2002. – 675 с.
17. Ястребов В.Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. – 1894. – Т. XVII. – С. 63–177. Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. – 1988. – №1. – С. 159 – 170.
18. ОАК за 1892 г. – СПб., 1894. – 173 с.
19. Тереножкін О.І. Розвідки і розкопки в 1949 р. в північній частині Кировоградської області // Археологія. – 1957. – Т. VII. – С. 110 – 135.
20. Бокий Н.М., Авксентьева Л.В. История исследования Мельгуновского кургана // Первая Правобережная краеведческая конференция (225 лет со времени исследования Мельгуновского кургана 1763 – 1988 гг.). Тезисы докладов. – Кировоград, 1988. – С. 3 – 5.
21. Бокий Н.М. Мельгуновский курган – доисследование и версии // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. – Мелитополь, 1992. – С. 13 – 14.
22. Граков Б.Н. Ранний железный век. – Москва: Издательство Московского университета, 1977. – 232 с.
23. Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако В.Г., Паньков С.В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. – III в. н. э.). – Киев: Наукова думка, 1983. – 112 с.
24. Шрамко Б.А. Новые данные о добыче железа в Скифии // КСИА АН СССР – 1962. – Вып. 91. – С. 72 – 77.
25. Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии (МИА. – 1971. – Вып. 177). – С. 15 – 24.
26. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII – IV вв. до н. э. – Киев: Наукова думка, 1983. – 380 с.
27. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1984. – 134 с.

28. Бессонова С.С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 17 – 40.
29. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. – Москва – Саратов, 2003. – 351 с.
30. Граков Б.Н. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников Степной Скифии // АСГЭ. – 1964. – С. 118 – 127.
31. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). – М., 1991. – 256 с.
32. Мозолевський Б.М. Товста Могила. – Київ: Наукова думка, 1979. – 252 с. Болтрик Ю.В., Савовський І.П. Курган Плоская Могила // Курганы Степной Скифии. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 98 – 107.
33. Плешивенко А.Г. Исследование скифских курганов в Днепроовском Надпорожье // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье, 1991. – С. 143 – 152.
34. Манзура И.В. Раскопки кургана у села Косоуцы // Археологические исследования в Молдавии в 1977 – 1978 гг. – Кишинев, 1982. – С. 122 – 129.
35. Смирнов К.Ф. Савроматы. – Москва, 1964. – 379 с.
36. Горбул Г.П., Бокий Н.М. О скифских стелах Кировоградского краеведческого музея // Киммерийцы и скифы. – Кировоград, 1987. – Ч.1. – С. 48 – 50.
37. Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. – 1988. – №1. – С. 159 – 170.
38. Яблонский Л.Т. Умбообразные золотые предметы скифского времени из Филиповки // Эпоха раннего железа. – Киев–Полтава, 2009. – С. 418 – 426.
39. Ольховский В.С. Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII – III вв. до н. э. – Москва, 1994. – 187 с.
40. Галанина Л.К. Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупей парадного меча) // СА. – 1989. – №4. – С. 255 – 261.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бокий Нинель Михайловна (20.06.1937 – 01.07.2008) – кандидат исторических наук, доцент Кировоградского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко.

Могилев Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины.

Научные интересы: ранний железный век Восточной Лесостепи.

Рис. 1. Расположение Мельгуновского кургана.

Рис. 2. А.П. Мельгунов. Портрет кисти Д.Г. Левицкого (по Я. Смирнову).

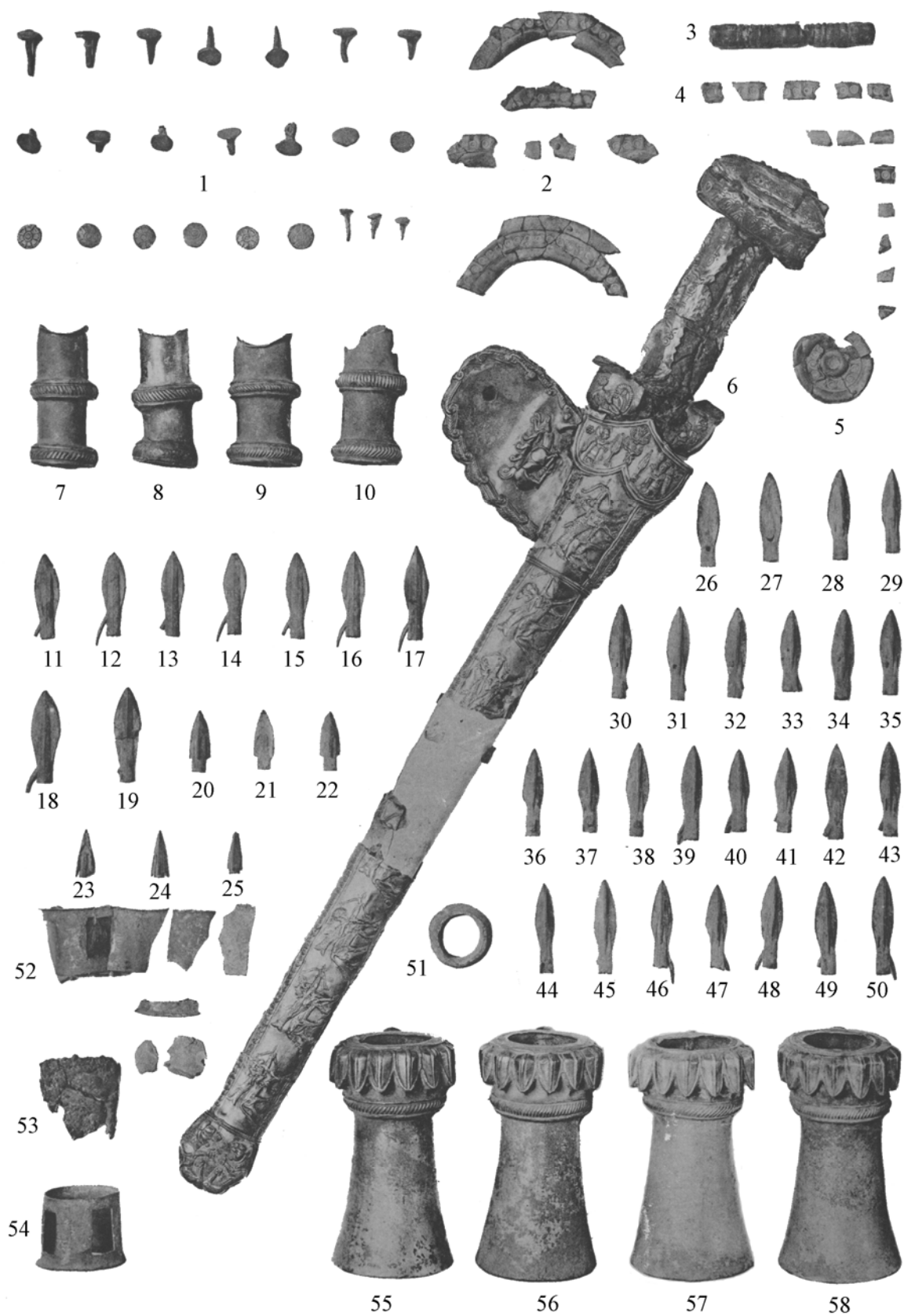
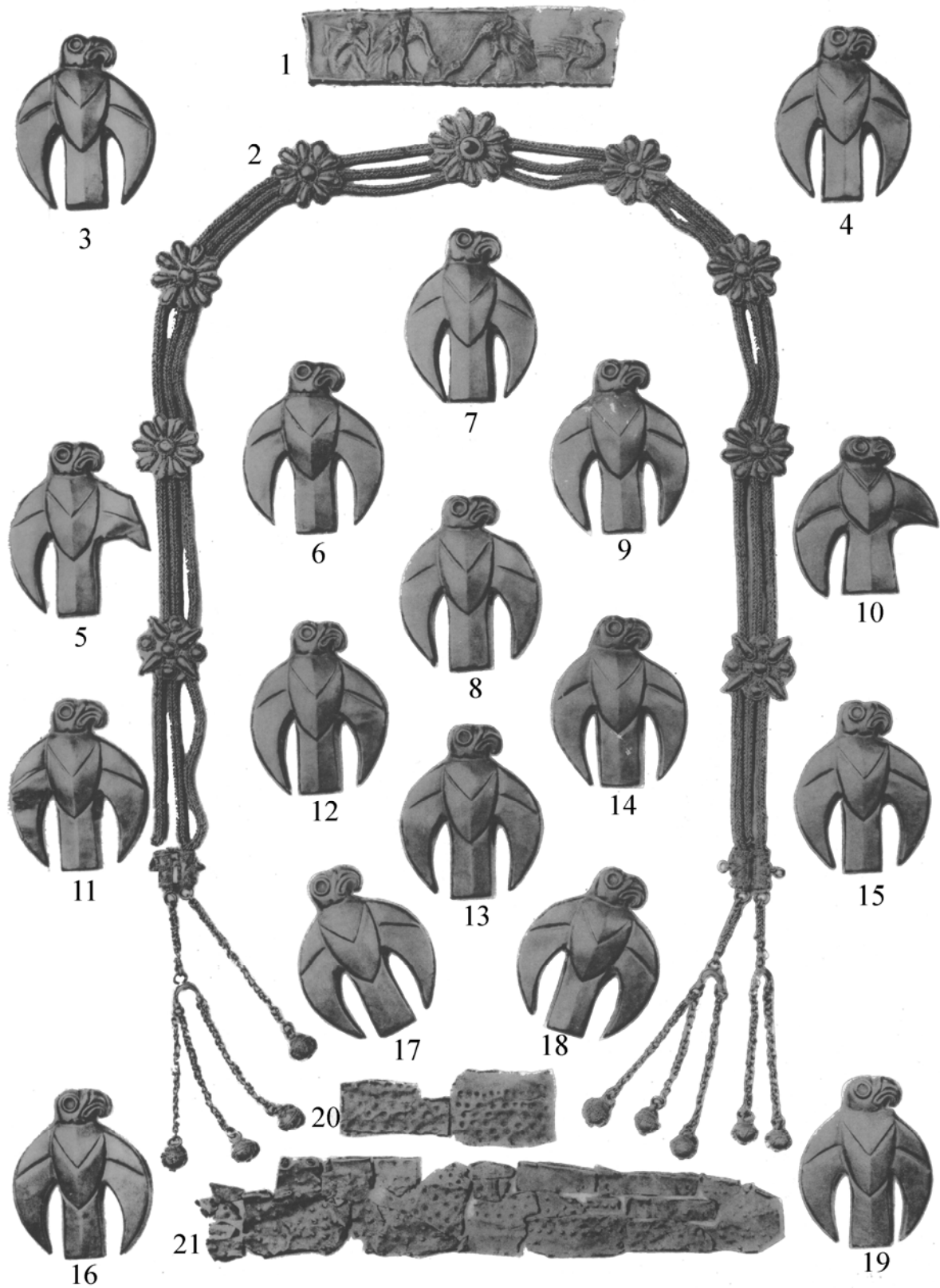
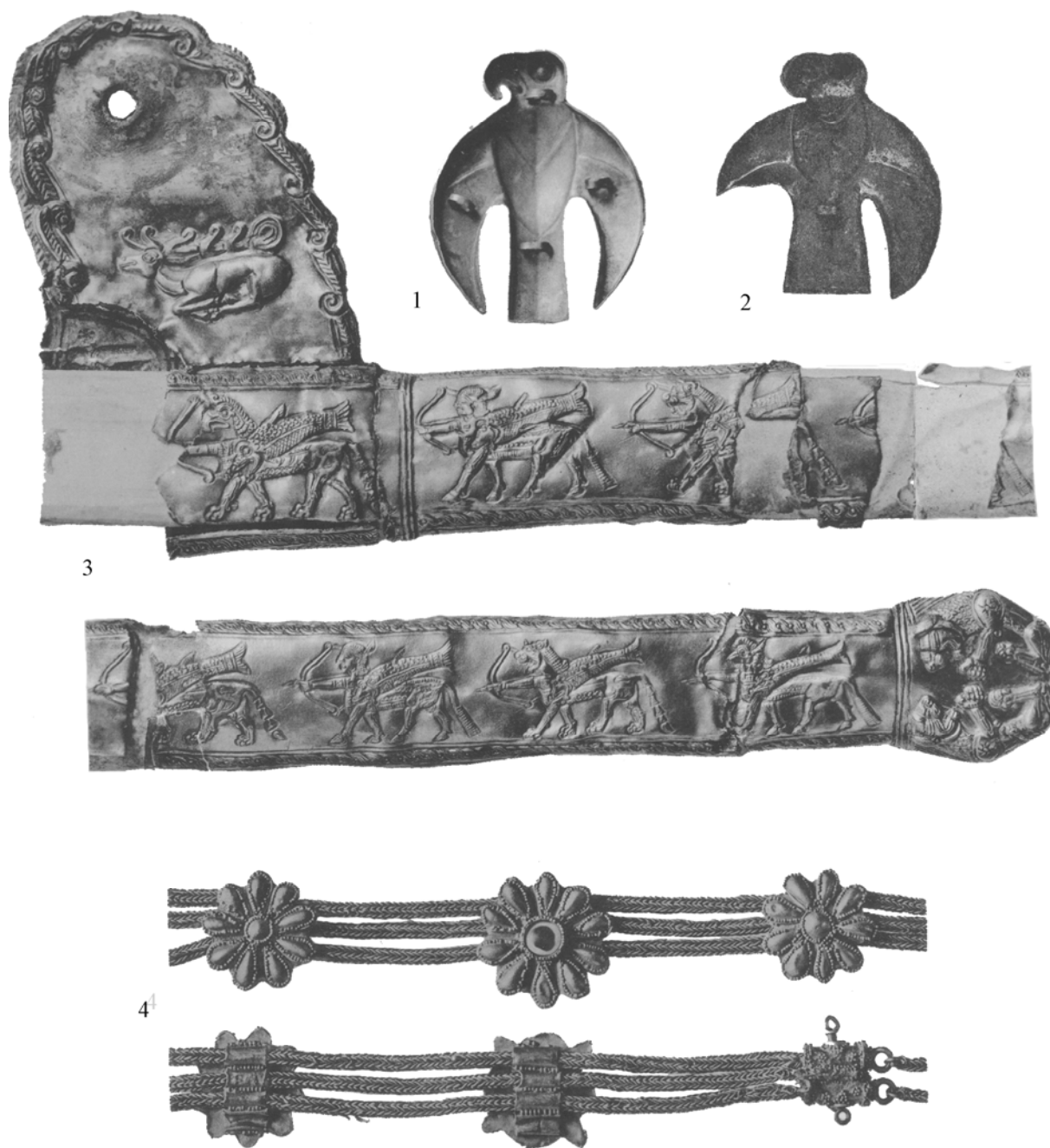

Рис. 3. Находки 1763 г. из Мельгуновского кургана (по Е.М. Придику).

Рис. 4. Золотые диадема (2), пластины (1, 20, 21) и бляхи (3–19). Находки 1763 г. из Мельгуновского кургана (по Е.М. Придику).

Рис. 6. Золотые бляхи (оборот) (1, 2), ножны (3) и фрагмент диадемы (4).
Находки 1763 г. из Мельгуновского кургана (по Е.М. Придику).

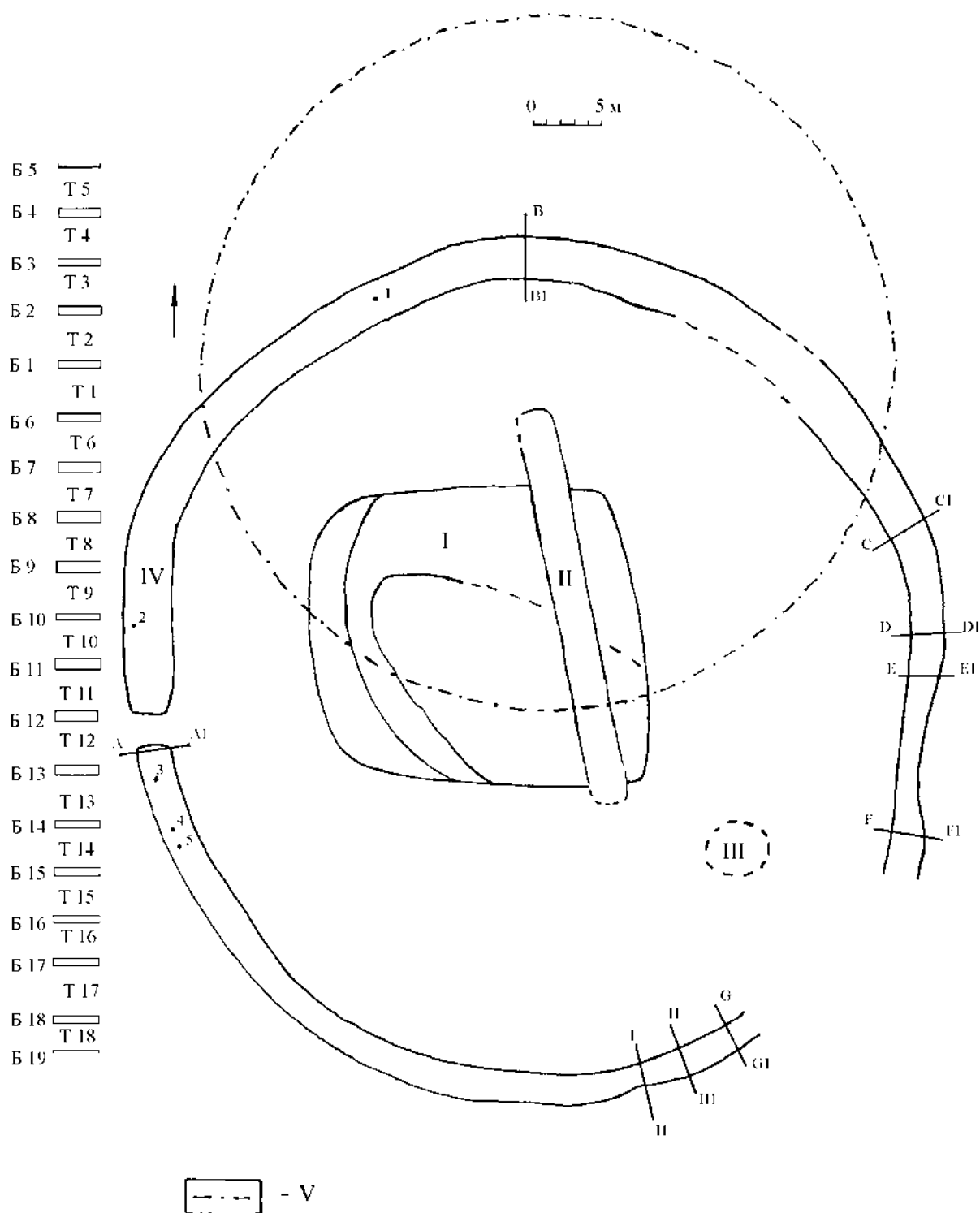
Рис. 7. В.Н. Ястребов (собрание Кировоградского областного краеведческого музея).

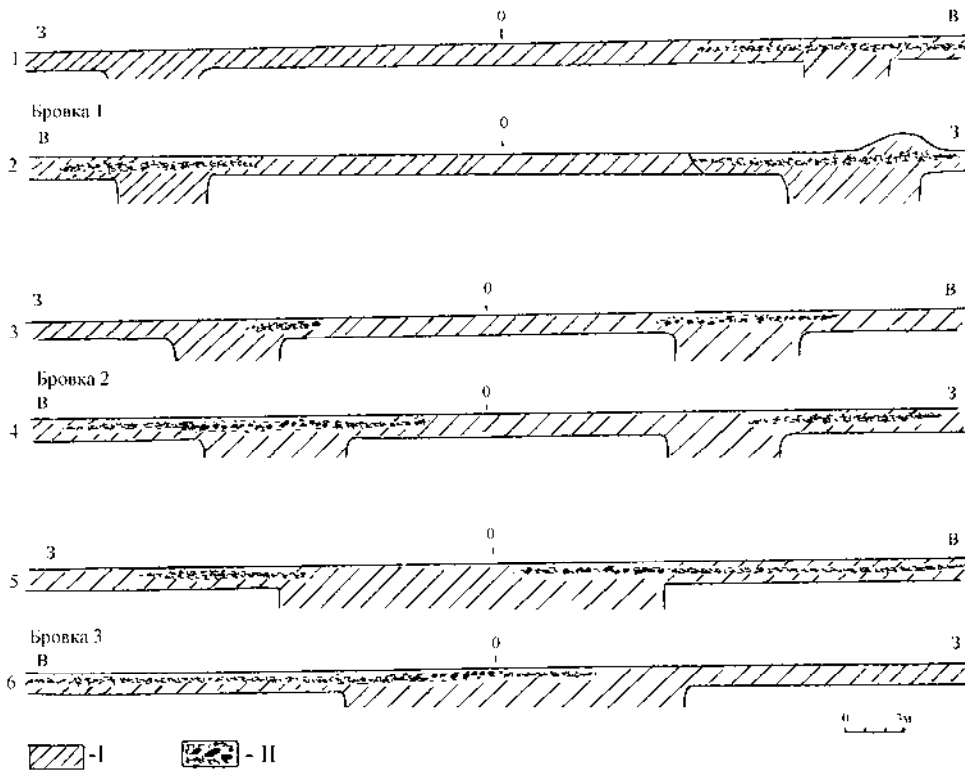
Рис. 8. Археологи во рву Мельгуновского кургана (лето 1990 г.). Слева – направо: С.С. Бессонова, Е.П. Секерская, С.А. Скорый, М.П. Сиволап, Н.М. Бокий, Л.Г. Сиволап, С.В. Махортых.

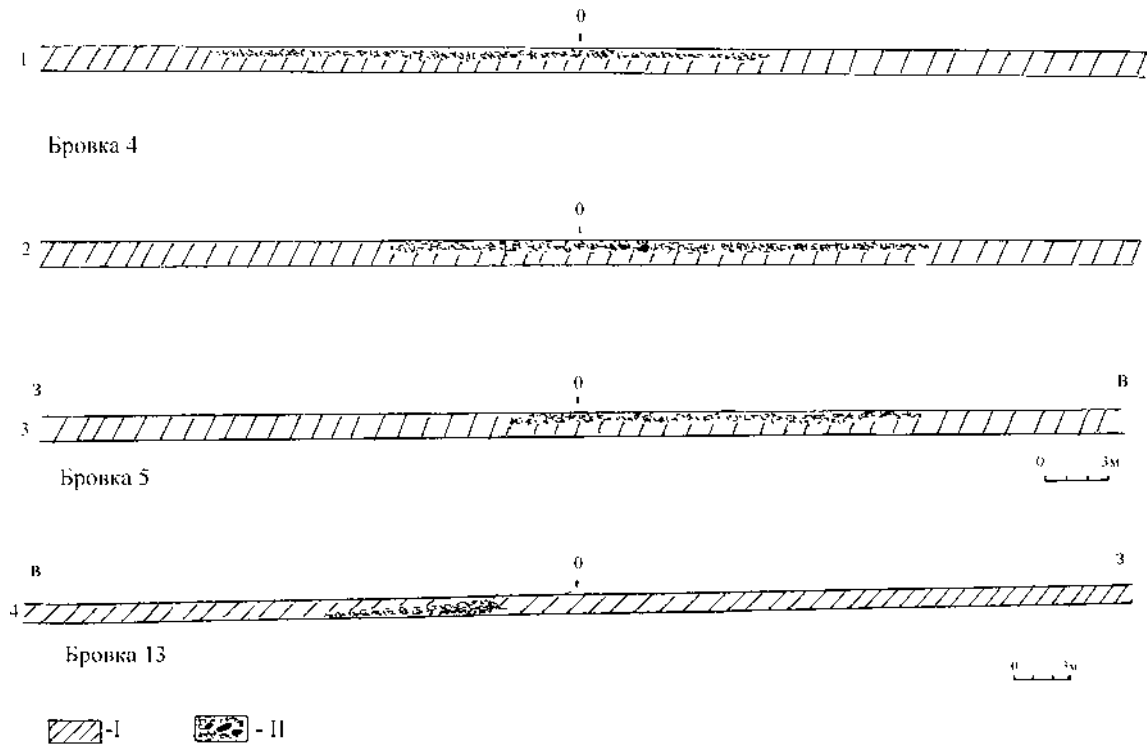
Рис. 9. Археологи во рву Мельгуновского кургана (лето 1990 г.). Справа – налево: С.В. Махортых, Е.П. Секерская, В.П. Григорьев, М.П. Сиволап, Л.Г. Сиволап.

Рис. 10. Мельгуновский курган, план (раскопки 1990 г.). I – прямоугольная яма и II – прорезающая ее траншея в центральной части; III – яма в юго-восточном секторе; IV – ров с перемычкой на западе; V – первоначально предполагаемые контуры кургана. Б – бровка; Т – траншея. 1 – фрагмент стенки амфоры, 2 – обломок ножки амфоры, 3 – фрагмент лепного сосуда, 4 – гранитные терочник и часть грузила, 5 – кремь.

Рис. 11. Профили бровок Мельгуновского кургана (раскопки 1990 г.). 1, 2 – бровка 1, южный и северный профили. 3, 4 – бровка 2, южный и северный профили. 5, 6 – бровка 3, южный и северный профили.

Рис. 12. Профили бровок Мельгуновского кургана (раскопки 1990 г.). 1, 2 – бровка 4, северный и южный профили. 3 – бровка 5, северный профиль раскопа. 4 – бровка 13, северный профиль.

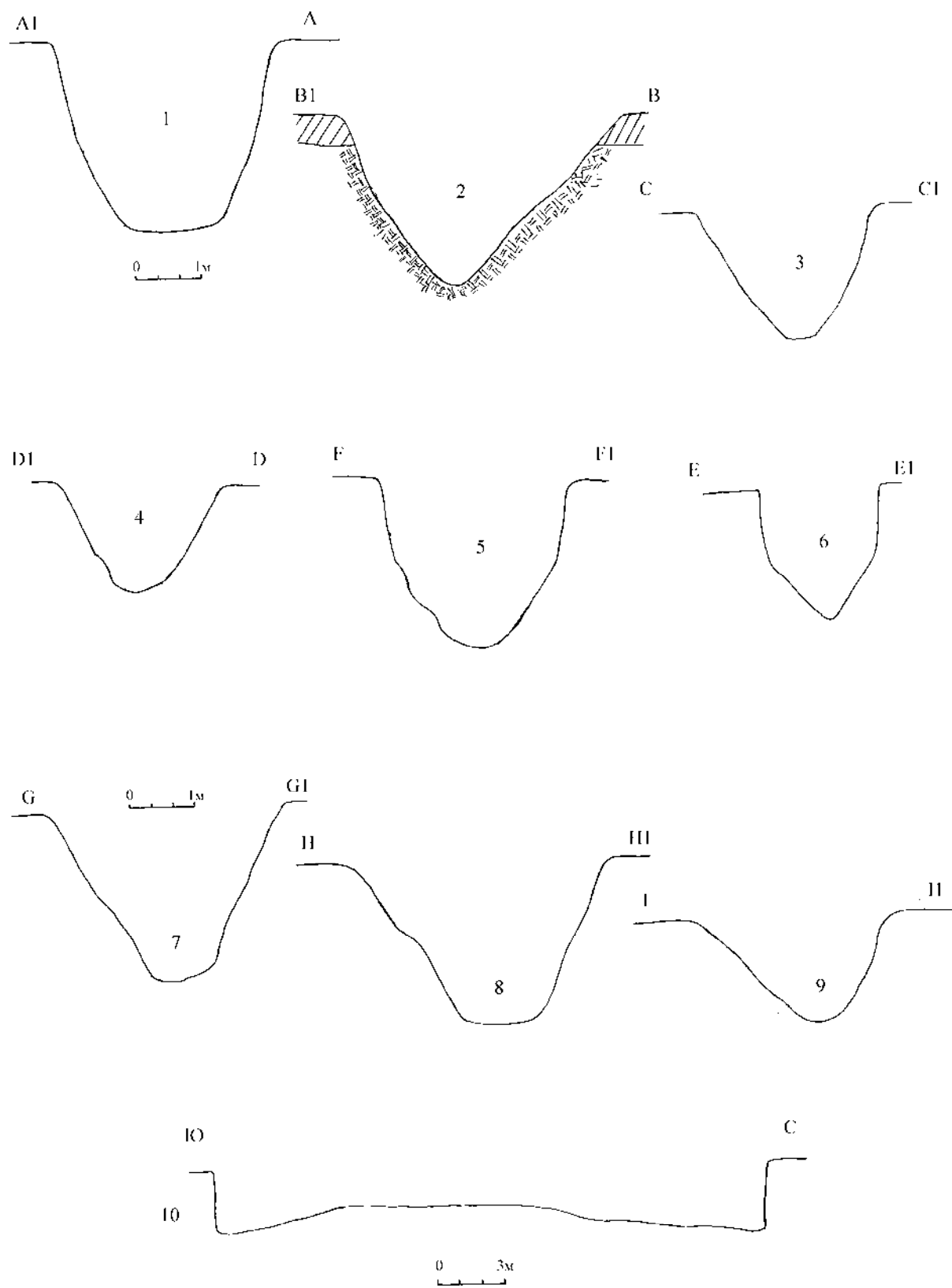
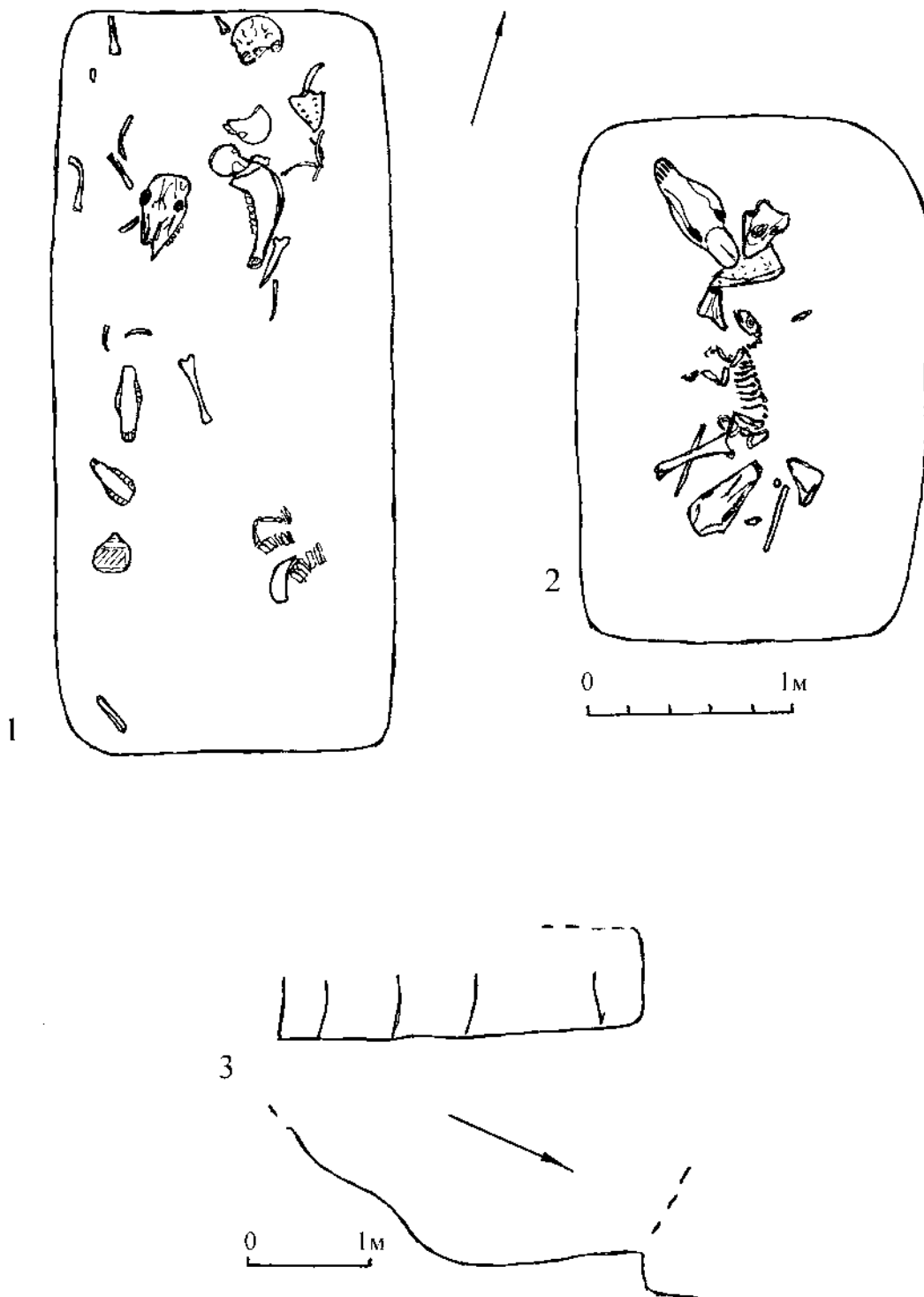

Рис. 13. Профили рва (1 – 9) и дна в восточной части рва (10) Мельгуновского кургана (раскопки 1990 г.).

Рис. 14. Остатки жертв и тризны у западной перемычки рва Мельгуновского кургана (раскопки 1990 г.). 1 – к югу от перемычки, 2 – к северу от перемычки. 3 – профиль дна ямы в юго-восточном секторе кургана.

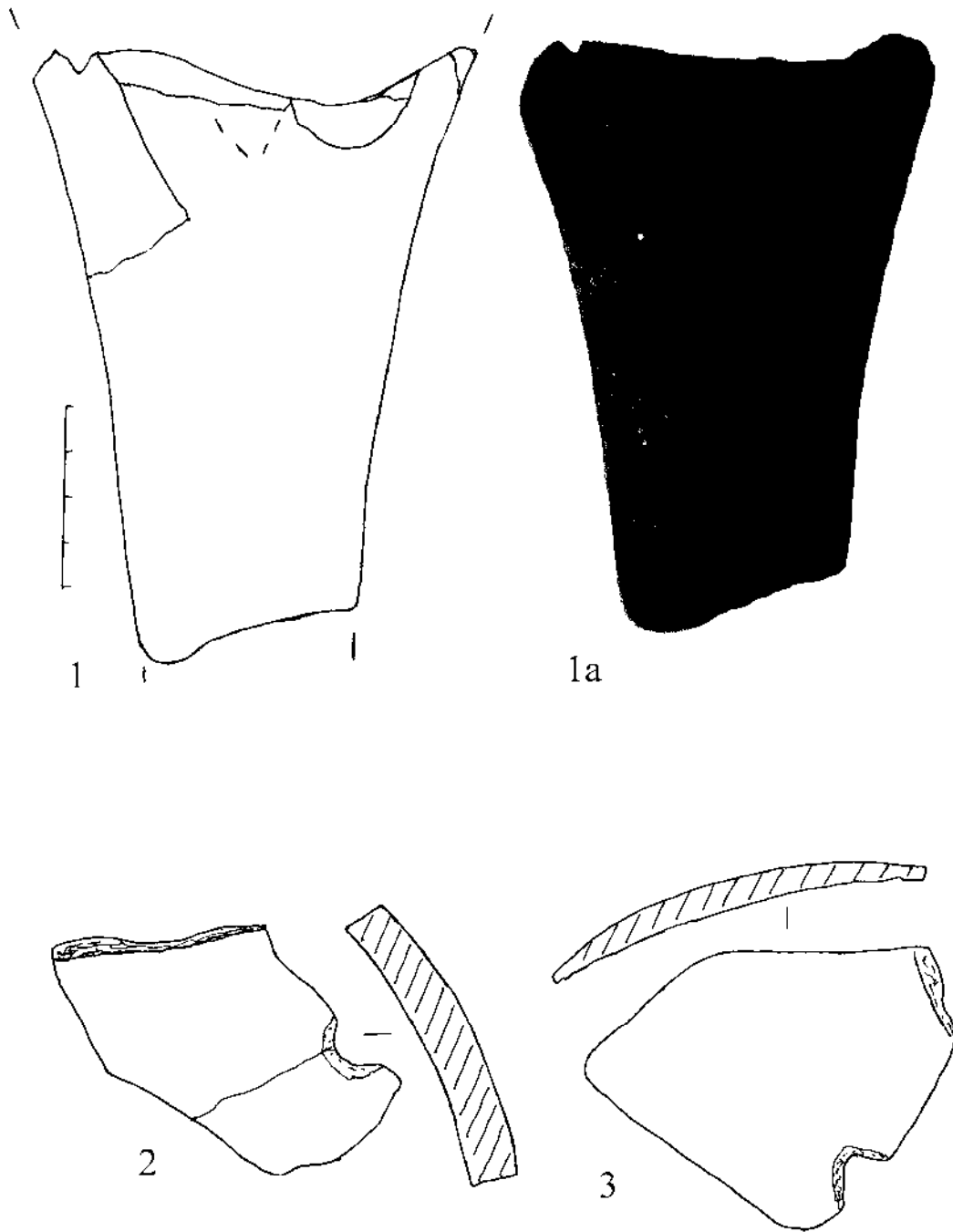

Рис. 15. Находки фрагментов амфор из рва Мельгуновского кургана (раскопки 1990 г.).

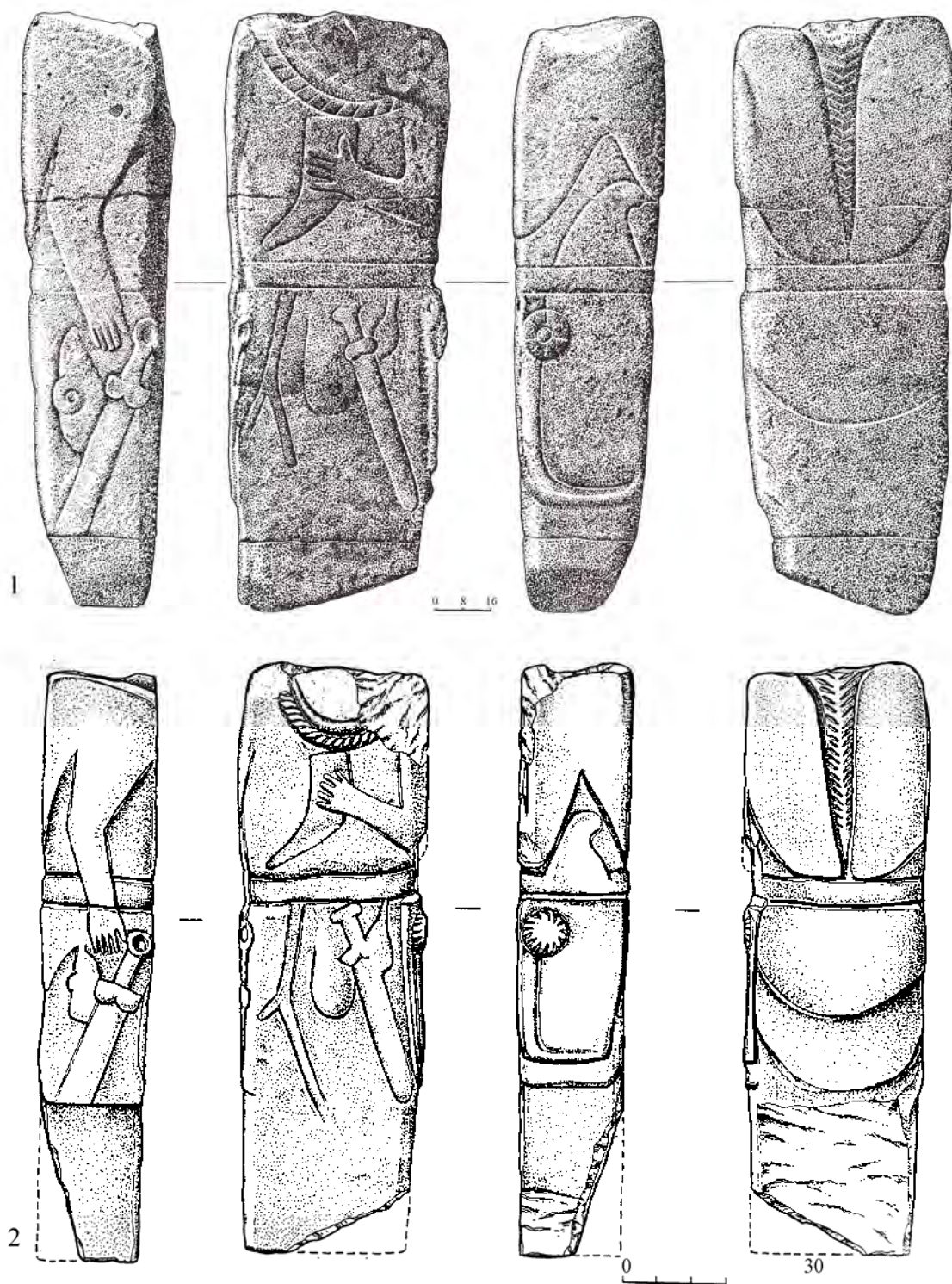

Рис. 16. Каменная статуя из Кировоградского музея, прорисовка.
 1 – по Ю.А. Столярчуку, 2 – по В.С. Ольховскому и Г.Л. Евдокимову.